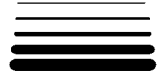

НЕИЗВЕСТНОЕ ПРОШЛОЕ

Из истории философских форумов

ТРЕТИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ КОНГРЕСС (31-го августа – 5-го сентября 1908 года нового стиля)

Н.А. ВАСИЛЬЕВ

I.

Первый международный философский конгресс состоялся в Париже в 1900 году, второй в Женеве в 1904 году. В этом году настала очередь и за Германией, классической страной философии, и за Гейдельбергом, где еще так недавно мыслили и учили Гельмгольц, Целлер и Куно Фишер.

Германия и сейчас сердце философской мысли человечества, ее философская литература главенствует над литературами других стран, у ней и сейчас нет недостатка в крупных мыслителях. Гейдельберг – идеальный город для конгресса, он лежит в самом центре Европы, недалеко от латинских стран; в нем гармонически сочетались, дополняя друг друга, дивная природа, воспоминания исторического прошлого и культура настоящего. Президент конгресса Виндельбанд, баденское правительство и город Гейдельберг приложили все усилия к лучшей организации конгресса.

Между тем участники съезда разъезжались с него неудовлетворенными, и вряд ли можно назвать этот конгресс удачным. Пишущий эти строки не был на других конгрессах, но все те, которые были на женевском или на парижском, единогласно находили, что прежние конгрессы были интереснее и продуктивнее.

Дело в том, что философские конгрессы лишены возможности давать своим членам много того, что дают другие конгрессы.

Участники исторического конгресса, бывшего в этом году в Берлине, кроме рефератов, которые они могли бы с успехом прочитать в исторических журналах, видели в Берлине специально для них устроенную выставку предметов египетского каменного века. А этого они, конечно, не могли бы увидеть у себя дома. Представители экспериментальных наук видят на конгрессах опыты и приборы, которых они также зачастую не могут увидеть на родине. Участники социальных конгрессов осматривают различные учреждения и институты, знакомятся с такими сторонами социальной жизни, какие нельзя изучить по одним только книгам.

Никаких таких экспонатов и демонстраций не может дать философский конгресс. Правда, он может показывать больших мыслителей, знакомить с их великой и напряженной мыслью и не в том готовом и

статическом виде, в каком мы имеем ее в их книгах, а в процессе ее возникновения, в блестящем докладе, в диалектике спора, в повседневной беседе. Но беда Гейдельбергского конгресса была в том, что он мог исполнить это только в слабой степени, ибо на нем отсутствовали наиболее видные представители современной философской мысли.

Пожалуй, приходится перечислять не тех, которые присутствовали, а тех, которые отсутствовали. Из англичан и американцев не было ни Джемса, ни Перса, ни Брэдли и т.д.

Французов было довольно много, но, к сожалению, по болезни не приехал виднейший и оригинальнейший из современных французских философов Анри Бергсон, который должен был читать на общем собрании доклад *L'idée de devenir*.

Удивительнее всего, что и Германия была представлена неважно на конгрессе, имевшем место в Германии. Не было ни Маха, ни Вундта, ни Когена с Наторпом, ни Рилия, ни Зиммеля, ни Риккерта и т.д.

Многие из них не поехали вследствие преклонного возраста, но во многих случаях была виновата партийность, которая очень развита среди немецких философов.

Не высок был и средний уровень секционных рефератов; были, конечно, и очень блестящие, как, например, доклад Кюльпе «К учению о чувстве» или Дриша «О понятии природы», но зато многие не поднимались выше уровня обычной университетской лекции. В общем, в секциях было скучно, и посещались секции сравнительно слабо. Этим объясняется и то, что участники конгресса с таким жаром и увлечением отнеслись к обсуждению вопроса о прагматизме. Это обсуждение было самым оживленным и самым интересным моментом конгресса, и потому я на нем подробнее останавлиюсь в конце.

Президентом конгресса был Виндельбанд, генеральным секретарем приват-доцент Эльзенханс.

Конгресс делился на 7 секций: 1) истории философии под председательством Ксавье Леона, издателя французского журнала «*Revue de Métaphysique et de Morale*»; 2) общей философии; председатель Кюльпе; 3) психологии; председатель Мюнстерберг, проф. Гарвардского университета около Бостона; 4) логики и теории познания; председатель проф. Майер; 5), 6) и 7) были посвящены этике, эстетике и религиозной философии.

Отсутствовала секция истории наук, которая была на втором конгрессе в Женеве.

Кроме председателей секций из видных членов конгресса нужно отметить немцев Эббинггауза, Файхингера, Фалькенберга, Иерусалема.

Из французов нужно отметить Бутру, Ро, Кутюра, из англичан — Шиллера, из американцев — Ройса.

Очень много было итальянцев. Преобладала молодежь. Выдавались философ Кроче и математики Пеано и Энрикес.

Из русских были проф. А.В. Васильев и проф. П.Э. Лейкфельд. Кроме того, в конгрессе принимали участие очень многие русские студенты, занимающиеся в немецких университетах.

II.

Конгресс открылся вечером 31-го августа в городской ратуше, где познакомились между собой приехавшие члены конгресса. Официально конгресс открылся уже во вторник 1-го сентября первым общим заседанием. Заседание открыл проф. Виндельбанд как президент конгресса. Затем приветствовали конгресс министр великого герцога баденского, обербургомистр города Гейдельберга, представители университета.

Поднимается маститый французский философ, президент первого философского конгресса Бутру и начинает говорить на прекрасном немецком языке, чем вызывает шумные одобрения со стороны немцев. Бутру в своей речи вспоминает то время, когда он сам был гейдельбергским студентом, просит аудиторию, чтобы она позволила благодарному студенту подольше остановиться на милом прошлом. Он вспоминает Целлера и его простые, но прекрасные лекции, вспоминает Гельмгольца, каждый день гуляющего на Philosophenweg, на высоте над Гейдельбергом. Затем Бутру переходит к философским конгрессам, отмечает, что они уже упрочились, что теперь никому и в голову не придет спрашивать, будет ли четвертый конгресс, и теперь осталось только одно — выбрать место для этого четвертого конгресса.

От имени конгресса Виндельбанд благодарит за приветствия. Оратор видит в растущем интересе к таким собраниям признак того, что философия опять стала важным моментом духовной жизни человечества. Все здесь присутствующие разойдутся в своем понимании философии, дадут самые различные ее определения, но все сойдется в одном, в признании ее значения для образования культурного сознания человечества. Такое духовное объединение людей и есть ведь единственная причина, почему мы можем говорить об истории человечества как об едином и связном процессе. В наш век, более чем в какой другой, можем мы гордиться прогрессом более быстрым, более ощутимым, чем раньше. Мы с удивлением видим, как быстрое развитие науки и техники срывает грани времени и пространства, поработает силы природы. Но тем необходимее становится теперь призадуматься над главным содержанием этого знания, охватывающего мир, над смыслом и целью этой деятельности, изменяющей мир.

«Наша работа заключается в том, чтобы все мысли и все культурные идеалы нашего времени замкнуть в целостном и едином взгляде на жизнь и на мир. Но между жизнью и философией, которая является самосознанием жизни, лежит еще одно звено — наука. В лихорадочном росте нашей интеллектуальной жизни так увеличились объем и многообразие науки, что и здесь философия должна взять на себя трудное дело уравнивания, объединения и оценки. Отсюда проистекает тот преобладающий отпечаток теоретико-познавательных стремлений, который носит на себе философия после Канта. Но чем более проявляется в ней это стремление, тем яснее становится, что этот путь через критику наук не отрывает философию от действительности. Говоря об отношении картины мира, набрасываемой наукой, к действительности, философия принуждена говорить и об действительности. Нельзя мыслить об отно-

шении сознания к бытию, не думая в то же время о бытии: в этом смысле не может быть теории познания, которая не была бы в то же время и метафизикой». «Поэтому в современной философии на очереди рассмотрение этих отношений и пересмотр понятия истины, о чем нам еще придется обменяться мыслями».

«Если я правильно смотрю на дело, то самые разнообразные современные направления мысли стремятся встретиться в одном пункте: в признании того, что всякая теоретическая деятельность имеет отношение к системе ценностей. А это еще более сближает философию с жизнью».

Затем Виндельбанд уступает почетное председательство проф. Мюнстербергу. На кафедру входит седой старик проф. Ройс из Бостона и читает доклад на тему «Проблемы истины в свете новейших исследований». Так как этот доклад был посвящен вопросу о прагматизме, то я остановлюсь на нем, когда буду говорить о прагматизме на III философском конгрессе.

III.

На втором общем собрании проф. Дейссен из Киля поднес конгрессу свою только что оконченную историю индийской философии. «Если мне удалось, закончил оратор, дать некоторое дополнение к великим трудам по истории греческой и новой философии, которые были созданы здесь в Гейдельберге Целлером, Фишером и Виндельбандом, то я сочту себя богато вознагражденным за труды многих лет.

Затем Бенедетто Кроче произнес речь на тему «Чистая интуиция и лирический характер искусства». Кроче — один из виднейших итальянских философов и замечательный эстетик*. Он возобновил в современной философии дух Гегеля с его пренебрежением к эмпирической науке, защищая эту парадоксальную точку зрения с замечательной силой и ясностью.

По воззрениям Кроче, философия есть самопознание духа, есть наука о духе и есть, строго говоря, единственная наука. Дух проявляется в двух формах: в теоретической деятельности — в познании и в практической деятельности — воле. Каждая из этих форм имеет две степени. Познание может быть интуитивным, наглядным, происходить из фантазии, постигать индивидуальное, тогда оно будет искусством, а соответствующий отдел философии, изучающий эту сторону духа, будет называться эстетикой. Познание может быть ненаглядным (через понятие), происходить из интеллекта, постигать общее, и философская наука, изучающая эту сторону духа, будет логика. Предмет логики, «логическое явление и притом единственное логическое явление есть понятие, общее понятие» (Aesthetik. S. 42). Суждение, силлогизм, все формы дедукции суть только способы изложения найденной мысли и, строго говоря, не относятся к философской логике, которая должна заниматься только понятием.

* Его главное сочинение — Эстетика, переведенное на немецкий язык. — Aesthetik. Leipzig. 1905.

Все примечания Н. Васильева.

«Единственными логическими суждениями могут быть только те, главное и исключительное содержание которых состоит в отграничении понятий. Такие суждения суть не что иное, как определения. Наука сама не что иное, как комплекс определений, которые объединены в одном высшем определении, система понятий или высшее понятие» (Aesthetik. S. 42 – 43).

Практическая форма духа также имеет две степени: экономическую и нравственную. «Экономия – это эстетика практической жизни, нравственность это ее логика» (ibid. S. 54).

Желать экономически – это значит стремиться к цели, желать нравственно – это значит стремиться к разумной цели (ibid. S. 56). Существует полный параллелизм между теоретической и практической сторонами. Без созерцания невозможно понятие (S. 22), без стремления (экономики) невозможны разумные стремления (S. 56). Итак, существуют 4 части философии как науки о духе: эстетика, логика, экономика и этика. И это, собственно говоря, единственные науки. Все остальное или гибридные или несовершенные формы, или должны быть включены в одну из описанных форм. Религия есть только несовершенная форма философии и с течением времени вытесняется совершенной, т. е. философией. История имеет дело с индивидуальным, с созерцанием и подпадает под понятие искусства. Ее отличие от искусства только в том, что она постигается фантазией, которая представляет действительность, а искусство – фантазией, которая представляет возможное.

Естественные науки и даже математика только несовершенные науки. Они смесь науки и искусства, ибо истинная наука имеет дело со всеобщим, они же ограничены конкретными эмпирическими данными – созерцаниями. Их понятия – псевдопонятия, созданные для практических целей, для удобства, для экономии мысли. Кроче заимствует у Маха теорию экономии мысли и с помощью ее доказывает, что естественные науки и математика принадлежат к практической стороне духа, а не к теоретической, что можно судить только о полезности или бесполезности научной идеи, а не о ее верности или неверности. «Даже геометрия теперь объявляет, что она вся основана на гипотезах, что пространство в 3-х измерениях или Евклидово пространство есть одно из возможных пространств, которым она занимается, потому что это удобнее» (ibid. S. 30). Не только естественные науки, но и математика все основаны на предположениях. Они по самой своей природе ограничены. Но самая ограниченность естественных наук требует неограниченной ничем философии.

Свою эстетику Кроче называет эстетикой чистой интуиции или чистого выражения. Что такое интуиция? Это сознание, к которому не присоединились интеллектуальные примеси. Интуицию нужно отличать от восприятия. Восприятие сопровождается чувством действительности, интуиция заключает в себе в недифференцированном виде восприятие действительного и просто представление возможного. Не нужно смешивать интуицию и с ощущением, ибо ощущение пассивно, а интуиция активна. Интуиция будет всегда активным проявлением нашего

духа, будет всегда деятельностью и потому всегда сопровождается выражением. Выражением может быть слово (у писателей и поэтов), краски (у художников), звуки (у музыкантов), но всегда для интуиции, а значит для искусства, необходимо выражение. То, что не объективируется в выражении, есть не интуиция, а есть пассивное ощущение (ibid. 8). Этим и отличаются художники от обыкновенных людей: там, где вторые имеют ощущения и потому ничего не выражают, первые имеют интуицию и дают им выражение. Нам часто кажется, что мы имеем в голове поэтические образы или важные мысли, но только не можем их выразить. Но самая эта невозможность их выразить вытекает из их неясности, из того, что эти образы не являются интуициями. Поэтому интуиция всегда связана с выражением, интуитивная деятельность познает только то, что она выражает. Поэтому ясно, что разница между теми выражениями, которые постоянно возникают в обыденной жизни (любое слово, любая речь), и теми выражениями, которые называются искусством, только количественная. Эпиграмма считается искусством, почему не считать таким одно слово? Новелла считается искусством, почему не считать таким газетную хронику? Мы, как мольеровский герой, который удивился, узнав, что он говорит прозой, с удивлением узнаем, что все наши выражения (слова, речи) есть зачаточное искусство. По этой же причине существует только количественная разница между обыкновенными людьми и художниками, разница только в силе интуиции. Вместо того, чтобы говорить *poeta nascitur*, лучше говорить *homo nascitur poeta*, одни, как великие поэты, другие, как маленькие (S. 15). Так как интуиция есть активное проявление духа, то она совершенно перерабатывает впечатление, пассивной материи впечатление придает активную духовную форму. Поэтому сущность эстетического явления в форме и ни в чем ином, как в форме. Ошибочно видеть цель искусства в подражании природе. Раскрашенные восковые фигуры, как бы близки к природе они ни были, не будут произведением искусства. Также неверно, что искусство изображает типическое, оно всегда изображает индивидуальное. Неверно и то, что искусство передает идею; утверждать это значит смешивать эстетическое (интуицию) с логическим (идеей, понятием). Таковы основные принципы эстетики Кроче.

В своем докладе Кроче дал общий очерк своих эстетических воззрений.

Все разнообразные эстетические теории он классифицирует так:

Эмпирическая эстетика (собираение фактов, отрицание единого принципа искусства).

Практическая эстетика (признается единый принцип, но этот принцип полагается в практической деятельности: удовольствие и различные его степени, полезное и т.д.).

Интеллектуалистическая эстетика (искусство признается логическим или полулогическим образованием).

Агностическая эстетика (отрицание всех вышеуказанных теорий, эстетический фактор есть нечто своеобразное, неопределенное, неопределимое).

Мистическая эстетика (искусство есть познание, которое выше философского познания).

Это не исторический, а логический порядок теории. Последняя из них будет высшей, заключающей в себе правду остальных. Поэтому необходимо возвратиться к мистической эстетике, последним великим проявлением которой была эстетика романтическая. Но, возвратясь к романтической эстетике, мы не можем останавливаться на ней, потому что есть эстетика, которая логически будет выше мистической эстетики.

Это и есть эстетика чистой интуиции. Она заимствует от романтической признаки теоретического характера искусства и отрицание логического характера его, но вместо того, чтобы смотреть на искусство, как на самую высшую и сложную функцию познающего духа, она смотрит на него, как на самую примитивную и простую.

Искусство не так сложно, как наука, история, философия и религия. Отсюда ясно, что на искусство нельзя смотреть, как на известную историческую или психологическую фазу. Искусство вечно.

Против утверждения, что искусство есть чистая интуиция, выдвигается серьезное возражение. Искусство, говорят критики, не есть интуиция или не только интуиция, оно состоит в чувстве, в движении личности художника. Из этой точки зрения с необходимостью вытекает, что искусство имеет зараз интуитивный и эмоциональный, эпический и лирический, классический и романтический, объективный и личный характер. Но таким образом возникает дуализм, которого философия допустить не может. Преодолеть этот дуализм можно, только доказав, что чистая интуиция и изображение чувства, эпос и лирика — одно и то же. А это действительно так. Интуиция, если ее отделить совершенно от всякой рефлексии и всяких понятий, есть только состояние души и совпадает тогда с чувством.

Предрассудок, что чистая интуиция есть интуиция предмета, а не интуиция душевного состояния, возникает из интеллектуалистической абстракции и из дуализма природы и духа. Искусство, изображающее непосредственную действительность, представляет себе мир духа, а не физические предметы, потому что действительность — дух, а не материя.

Таким образом, искусство приходит к идеалистической философии. Правда, только бессознательно.

Искусство есть сон познающего духа. Его бодрствованием будет мысль и только мысль. Речь Кроче пользовалась большим успехом на конгрессе. Бутру выразился о ней так: «Она соединяет в себе энтузиазм юности с мудростью старости».

IV.

Третье общее заседание было посвящено речам Бутру и Виндельбанда.

Речь Бутру «Философия во Франции с 1867 года» была посвящена общей характеристике современной французской философии. «По случаю всемирной выставки 1867 года», так начал докладчик. Феликс Равессон изложил историю философии во Франции за две трети XIX века в докладе, который стал классическим.

Случилось так, что доклад Равессона отметил хронологическую дату в истории французской философии. Около 1867 года одно умирало, дру-

гое нарождалось. Погибала эклектическая философия. Под влиянием Лашелье и Равессона с одной стороны, Тэна, Герберта Спенсера и Рибо с другой стороны, начиналось двойное развитие философии метафизической и философии опытной. Характерной чертой этого развития была его широта: оно не оставалось в более узких границах философии, а старалось захватить и смежные науки.

Бутру так классифицирует различные течения и направления:

Метафизическое течение. Оно заметно в трех видах:

а) новый рационализм: Лашелье, Равессон, Ренувье. Сюда же Бутру относит и Фуллье;

б) метафизика, основанная на критике науки и разума: Бутру, Ганнекен, Эвеллен, Мильо;

в) метафизика, основанная на углублении опыта: Анри Бергсон. На философских воззрениях Бергсона докладчик остановился несколько подробнее и посвятил ему одному столько же времени, сколько всем остальным философам Франции вместе.

Течение психологическое (Т. Рибо, Бинэ, Пьер Жанэ, Дюма).

Течение социологическое (Эспинас, Дюркгейм, Бугле).

Затем докладчик отметил этическое течение, разработку философии наук (Таинри, Пуанкаре, Дюгем), религиозную философию, выразившуюся в форме неотомизма (Блондель, Ле-Руа).

Наиболее характерной чертой этого развития служит разрыв между философией как единым мировоззрением, и специальными философскими науками (психология, социология, логика наук). Эти последние пытаются основываться на строго научном познании и как бы окончательно порывают с метафизикой.

Но эта черта в процессе развития сменяется другой, прямо ей противоположной. Специальные философские науки по мере углубления их содержания встречаются с теоретико-познавательной, космологической и практической проблемами, которые неминуемо приводят к философии как единству. Поэтому прежние антагонисты, философия и философия науки стремятся к сближению: специальные философии науки начинают понимать, что они могут избежать метафизических вопросов, только уродуя и искажая себя; метафизика со своей стороны все более и более усваивает себе методы и выводы наук.

V.

В этом же заседании проф. Виндельбанд читал свой доклад «К понятию закона».

Виндельбанд сначала останавливается на истории понятия закона. Он видит два источника происхождения этого понятия.

Во-первых, прежде всего на небе открыли греки порядок и законосообразность, а подлунный мир для них всегда оставался царством беспорядка и несовершенства.

Во-вторых, в своей социальной жизни греки прежде всего должны были испытать ценность порядка и законности, и только тогда могли они сделать закон принципом мира.

Одинаково и в человеческой жизни, и в жизни вселенной порядок состоит в незыблемом господстве закона. Этот параллелизм в законах человеческих и в законах природы заставлял древних искать для них общего источника, и не даром Гераклит видел глубочайшую правду человеческих законов в их происхождении из закона божественного. Эта мысль Гераклита была далее развита стоиками в понятии *lex naturae*, которое оказалось столь важным для этики и философии права и в средние века и в новое время.

При таком понимании закона еще не были расчленены два его значения, еще совершенно не различалось то, что мы привыкли различать законы необходимости от законов долженствования, порядок, который господствует, от того, который должен господствовать. Но и при таком расчленении, относя необходимость к знанию, а долженствование к воле, мы все-таки видим, что оба эти вида закона совпадают в одном, а именно, и там и здесь индивидуальное определяется всеобщим. Здесь коренится родство закона и платоновской идеи. «Поэтому вопрос о действительности законов природы имеет дело со всеми трудностями, с которыми пришлось иметь дело платоновскому учению об идеях и средневековому реализму. Мы можем приписать законам отдельное существование только в одной форме: мыслить их по аналогии с человеческими законами, как раз навсегда принятое определение воли. Таково и было простейшее решение проблемы законов природы, данное окказионалистами и Беркли, увидевшими в них тот порядок, которого захотел Бог».

Против этого антропоморфического решения проблемы справедливо восстает та теория познания, которая видит в законах только средства нашего ума установить порядок среди представлений. Но будем ли мы понимать это установление законов, как экономии мысли или как подчинение познания практическим задачам, а именно так понимают новейшие теории (прагматизм), всегда остается одна и та же трудность: возможность порядка среди представлений всегда должна быть основана на действительном порядке вещей. Тот «счастливый факт», что мы вносим порядок в наши восприятия, возможен только потому, что этот порядок уже находится в действительности. Поэтому справедливо, что исследование законов не должно иметь претензии понять действительность без остатка, но также верно и то, что это исследование имеет своим предметом одну часть или одну сторону действительности.

Виндельбанд отмечает теоретико-познавательную важность этого заключения и ставит его в связь с изменением понятия явления в современной теории познания. Понятие явления, перешедшее в терминологию критицизма из греческой философии, имело качественный смысл. Оно значило, что представляемый мир по своему содержанию отличен от Мира в себе. Отсюда учение, что мы знаем только представления, а не реальность. Напротив, теперь понятие явления принимает скорее количественный характер, принимает характер экстракта действительности. Отношение явления к действительности — это отношение выбранного к тому, из чего выбирают. «Мы знаем, что каждое восприятие есть выбор из возможных ощущений, а каждое понятие выбор из восприятия». Таким

образом, каждый род познания, каждая научная теория получает характер выбора и потому имеет своим содержанием не всю действительность, а какую-нибудь одну ее сторону.

Речь Виндельбанда отличалась пластичной художественностью исполнения, обнаруживая в ораторе редкого мастера слова; она особенно захватывала в своих исторических местах. Но она грешила неопределенностью основной точки зрения и некоторой расплывчатостью выводов. Она была слишком дипломатична, что объяснялось, быть может, ролью Виндельбанда на конгрессе, как его председателя.

В общем, она представляла, как это видно из ее конца, удаление от кантовской точки зрения и приближение к той теории познания, которую защищает, например, Бергсон. Как известно, Бергсон настаивает, «что всякое восприятие есть только выбор, оно ничего не создает**); он указывает на отсутствие качественной разницы между миром сознания и миром действительности***), говорит, что эта разница только количественная: «Различие внутреннего и внешнего сводится к различию части и целого****). Наконец, Канта он упрекает как раз за то, что он находит качественную разницу между явлением и действительностью*****). Мне кажется, незачем распространяться, что, защищая взгляды, аналогичные взглядам Бергсона, Виндельбанд несколько покинул позицию правоверного кантианства.

VI.

4-е общее заседание было посвящено красивой речи Гейнриха Майера «Давид Фридрих Штраус». Сначала докладчик очертил духовное развитие Штрауса. Оно началось с мировоззрения романтики, с которым познакомил молодого Штрауса его учитель Хр. Фр. Баур. Якоби был его путеводителем по теософии Шеллинга и Беме. К этой философской романтике присоединилась и эстетическая. Штраус принадлежал к кружку поклонников Тика. Только учение Шлейермахера о вере освободило молодого мистика от оккультической теософии. Но интеллектуализм его мышления привел его от Шлейермахера к Гегелю. Это был, собственно говоря, последний этап его духовного странствия. Он стал гегелианцем и остался им до конца. Гегелианство пролило Штраусу яркий свет на религию и христианство. Религия есть порождение бессознательно творящего Мирового разума, стремящегося к самопознанию: на низшей ступени она то же самое, что философия на высшей. Так оправдывается вера, как продукт исторического разума. Но оправдывается ли этим историческое содержание христианства, чудесные события из жизни И. Христа, о которых рассказывает Новый Завет? На это отвечает «Жизнь Иисуса» 1835 г. Известно, что Штраус объяснял чудесные события Нового Завета, как мифы, как бессознательное творчество народного духа. В христианстве видел он вечные истины, но в легендарном одеянии. Такой истиной

** Bergson. *Matière et memoire*. P. 255.

*** Ibid. P. 256.

**** Ibid. P. 36.

***** Ibid. P. 258. Характерно, что *Matière et memoire* вышла в немецком переводе под редакцией Виндельбанда.

признавал он единение Бога и человека, но думал, что оно проявляется во всех великих людях, даже во всем человечестве.

Тот разрыв между верой и знанием, который намечался уже в «Жизни Иисуса», окончательно обнаружился в «Христианском учении о вере». Штраус считает теперь, что философское мировоззрение есть не оправдание, а замена веры, он все ближе и ближе начинает примыкать к Фейербаху.

За этими сочинениями последовали долгие годы философского бездействия и душевной депрессии. Штраус занялся биграфическими работами, но его биографии всегда страдали недостатком пластической изобразительности, виною чему был диалектический склад его ума.

Штраус к старости все более и более становится материалистом. Таким материалистическим мировоззрением проникнута его «Старая и новая вера». Но, сделавшись материалистом, Штраус продолжал оставаться гегельянцем. Его убежденный монизм и глубокая антипатия к дуалистическому мировоззрению заставили его в старости быть материалистом, как они же в юности делали из него идеалиста. Спор между материализмом и идеализмом казался ему только словесным спором. Его любимой мечтой было помирить материалистический дарвинизм и идеалистическое гегельянство.

После этой речи состоялись выборы места и времени следующего IV конгресса. Он состоится в 1911 году в Италии, в Болоньи под председательством проф. Энрикеса.

Окончание следует

Источник:

Журнал Министерства народного просвещения. 1909 год.
(Орфография и пунктуация источника сохранены).